

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ТИПЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной культурологии СПбГУ.

Статья иллюстрирует один из первых исторических типов толерантного общества – древне-греческий демократический полис. Представленная работа – это попытка показать, что толерантность не является самостоятельным культурным феноменом, она конституируется суммой культурных составляющих, таких как формой государственного правления, религией, историей, экономикой, менталитетом и др. Толерантность может присутствовать как социальная реальность, но не быть осознана как ценность.

Ключевые слова: полис, демократия, свободный гражданин, критицизм, сводобомыслие, универсальная культура, рационализм, плюрализм, толерантность.

N. Kruglova

ON THE FIRST HISTORICAL TYPE OF TOLERANCE

The article is written to illustrate one of the first historical types of a tolerant society. It is an ancient Greek democratic city-state (polis). The author of the paper makes an attempt to show that tolerance is not an independent cultural phenomenon; it is formed by the sum of cultural conditions such as the form of state government, religion, history, economics, cultural mentality and others. Tolerance can be present as social reality but at the same time it is not realised as a special value.

Key words: city-state (polis), democracy, free citizen, criticism, freethinking, universal culture, rationalism, pluralism, tolerance.

Первичные формы толерантности, безусловно, следует искать в античном мире, прежде всего в свободной Греции, хотя различные типологии толерантных режимов, как правило, минуют этот период в жизни человечества и исторически первым обозначают имперский тип толерантности [10, с. 29–34], имея в виду

многонациональные империи Древнего мира. Однако запрос на толерантность как некую социальную норму может возникать (и действительно возникает) и в мононациональном государстве, в котором динамичная социокультурная деятельность порождает разнообразие плюрализмов (социально-политический, ми-

ровоззренческий, религиозный и др.). Именно поэтому исторически первым толерантным режимом следует считать полисный тип. Данная статья – это попытка путем системного культурологического анализа показать характеристики указанного типа толерантности.

Расцвет греческой цивилизации явился исключительным событием в истории человечества. Эллада, как и другие страны древности, была охвачена изменениями, характерными для «осевого времени» (К. Ясперс) (I тысячелетия до н. э. от Греции до Китая). Однако сдвиги эти везде, кроме Греции, приняли характер исключительно религиозных или религиозно-философских переворотов (возникновение конфуцианства и даосизма в Китае, буддизма и обновленного индуизма в Индии, зороастризма в Персии, движение пророков, радикально преобразовавшее племенную религию израильтян и иудеев), что не затрагивало основ существующего общественного строя, не меняло сам характер древневосточных цивилизаций. В древнегреческой религии также намечались преобразования аналогичного характера, но они были оттеснены на задний план. В отличие от стран Востока, в Греции радикальные сдвиги охватили *все стороны культуры*: возникли наука, философия и литература, составившие основу европейской культуры. В этом греческая цивилизация ни на кого не похожа и никого не повторяет.

Эта уникальность исторического феномена – «греческое чудо» (Э. Ренан) – большинством исследователей связывается прежде всего с возникновением полисного государственного устройства и сопряженной с ним демократической формой правления (Я. Буркхард). Для античного мира, т. е. Древней Греции и Рима, характерен путь обеспечения политической свободы и экономической независимости рядового гражданина, что было исключением на ранних этапах развития человеческого общества. В результате и были созданы города-государства – полисы, где идеальный гражданин был одновременно и хорошим хозяином, и доблестным воином, и государственным мужем. Полис стимулировал общественную активность граждан, причем каждый член коллектива был на виду

у остальных. В подавляющем большинстве греческих полисов, вне зависимости от формы правления, сложилась традиция гораздо меньше, чем в государствах Древнего Востока, вмешиваться в частную жизнь граждан.

Демократия – следующее за полисом социально-политическое изобретение греков, склонных к новшествам. И если Греция – это зона особой исторической судьбы и урока, то Афины – острие этой зоны и квинтэссенция этого урока. «Афины – школа всей Эллады» (Перикл). Афинская демократия приобрела устойчивость потому, что здесь сформировался мощный слой собственников, который и был основой демократического режима. Политическое равноправие свободных граждан имело экономическую основу, оно было проекцией экономического равенства в политическую сферу [12, с. 143].

Становление античной демократии проходило в течение нескольких столетий (с VII по IV в. до н. э.) и носило характер претворения в жизнь ряда конкретных исторических экспериментов, осуществление своего рода социальной инженерии, опирающейся на принцип реальности [7, с. 275]. Два олигархических переворота в Афинах, продержавшиеся несколько месяцев, с последующим восстановлением демократии показали, что демократическая идеология в сознании афинян закрепились.

Сформировалось и закрепились и особое мироощущение греков. Исследователи давно расходятся в оценке отношения греков к жизни (оптимистическое – пессимистическое) [4, с. 72], его можно скорее охарактеризовать как реалистическое или как трагический оптимизм. Ведущие черты грека – это концентрация внимания на *земной жизни* и вера в возможность достижения мыслимого для человека счастья в результате собственных усилий. Характерную формулировку типичного для грека отношения к жизни: нужно действовать, идя на риск в ситуациях, в которых невозможно точно рассчитать последствия, и только так достигается успех, – дает Геродот [цит. по: 4, с. 72].

Поиск личной значимости, стремление к собственному благополучию – вот что опре-

деляло приверженность большинства греков демократическому устройству. Греки считали себя вдвойне свободными, ибо над ними не было никакого владыки или хозяина ни в их общественной, ни в частной жизни. В этом они видели свое главное преимущество перед всеми варварами, среди которых одни, захваченные в плен на войне, проданные на рынке или попавшие в долговую кабалу, находились в рабстве у своих господ, другие, даже будучи лично свободными, вынуждены были нести на своих плечах тяжелое бремя деспотии. Это пылкое свободолюбие греков, в свою очередь, было тесно связано с такой важной чертой их менталитета, как чрезвычайно развитое чувство собственного достоинства, склонность к завышенным самооценкам [1, с. 82].

Таким образом, произошел переход от традиционного общества к гражданскому или, по терминологии К. Поппера, от закрытого общества к открытому. «Наша западная цивилизация была рождена греками. Они первыми, по-видимому, сделали шаг от племенного строя к гуманизму» [7, с. 216]. Переход к гражданскому обществу «размыкает» его границы. Утверждение политического, юридического и гражданского равенства делает необходимым для индивида участие в социальной мобильности, в социальной карьере. Возникает необходимость полагаться в этом изменчивом, беспокойном мире только на самого себя. «Переход от закрытого к открытому обществу – глубочайшая революция, которую... начали греки. Колонизация, индуцированная ростом населения, мореплавание, торговля, многочисленные межнациональные и культурные контакты, вторжение в культуру критического обсуждения и критического мышления – все это стало ощущаться как напряжение цивилизации, как следствие краха закрытого общества» [7, с. 220].

Терпимость, которая стихийно сложилась в условиях античного демократического государства и особой политической атмосферы, не была тотальной, а очень неравномерной, ограниченной, колеблющейся. Но прежде характеристики терпимости необходимо обозначить, куда было направлено основное острие нетерпимости: в античном мире прак-

тически не было религиозной нетерпимости, которую принесет с собой христианство, но была политическая. Для демократических Афин, как и других полисов, главным было неприятие тирании, что выразилось в настроенном отношении демоса, во-первых, к богатым; во-вторых, к людям, старающимся всеми путями приобрести статус гражданина полиса; в-третьих, в принятии процедуры ostracism как формы изгнания потенциальных тиранов. Эти издержки демократии, ее нетерпимость к выдающимся людям отмечал Аристотель: «... и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами...» [2, с. 406].

Тем не менее устами сторонников демократии афинское общество характеризуется как вполне терпимое, такова его оценка в известной «Надгробной речи» Перикла: «В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений; мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным наклонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним» [цит. по: 11, с. 209].

Наряду с обыденной терпимостью, афиняне выказывают интерес и небывалую восприимчивость к другим культурам: «...из всякого наречия, какое им приходилось слышать, они переняли из одного – это, из другого – то. И в то время, как все вообще греки пользуются больше своим собственным наречием, ведут свой особый образ жизни и носят свои особые наряды, афиняне имеют все смешанное, взятое у всех греков и варваров» [8, с. 96]. При этом греки никогда не копировали слепо все то, что приглянулось в чужих землях, а старались это чужое приспособить к своим особым потребностям, склонностям и вкусам, сделать заимствованное органической частью своей *собственной культуры*. Эта ярко выраженная способность к *критическому отбору, усвоению, переосмыслению и переработке чужого опыта* избавила греческую культуру уже на ранних стадиях ее развития от угрозы превращения в провинциальную версию египетской,

вавилонской или какой-нибудь другой более древней и более развитой восточной культуры. Заимствуя все и отовсюду, греки при этом ухитрились не просто сохранить оригинальность и неповторимость своей собственной культуры, но и еще более развили и усилили ее [1, с. 11].

Динамичная жизнь в демократических Афинах делала граждан терпимыми и устойчивыми к изменениям, в этом они представляют разительный контраст со спартанцами... «Ведь они (афиняне. – *Н. Кр.*) сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществлять свои планы. Вы же (спартанцы. – *Н. Кр.*), напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых» [11, с. 70]. Чтобы недовольство существующим положением вещей трансформировалось в творческий акт создания нового, необходимы не только знание, умения и талант, но и определенные общественные условия, благоприятный социально-нравственный климат, ведь толерантность, терпимость к инакомыслящим и есть важнейшее условие социально-нравственной ориентации общества на поощрение новаторства, творческого поиска. Не последнюю роль в интенсификации культурных изменений сыграл агон – открытое, публичное захватывающее состязание в различных сферах социокультурной деятельности: от спорта, политики, риторики, философии, до соревнований скульпторов, трагиков и поэтов. Этот универсальный культурный ритуал выявлял и прославлял подлинных творцов, признавая в созидательной жизни высшее призвание человека.

Итак, античная демократия стихийно породила в греческом обществе своеобразную терпимость. Однако сам греческий мир был неустойчив вследствие тотальной пронизанности борьбой партий, начиная с внутрисполных взаимоотношений и кончая борьбой олигархической Спарты и демократических Афин, борьбой, которая переросла в противостояние двух военных имперских блоков (Пелопоннесского и Афинского союзов) [9, с. 8]. И несмотря на яркие результаты греческой культуры, прослеживаемые в течение нескольких последующих столетий, безжалостная афинская демократия вела к упадку и анархии.

Но тем не менее анализ этого опыта позволяет сформулировать условия возникновения и существования *демократии* и сопряженной с нею *терпимости*: отсутствие значительного имущественного расслоения в обществе; рынок, товарно-денежные отношения, развитая экономика, что гарантирует наличие свободного времени у граждан; вовлеченность населения в политическую жизнь; наличие высокого уровня культуры и приобщенность граждан к культуре; существование группировок с различными интересами (политический плюрализм), ведущих борьбу за власть.

Греческий опыт не только дал миру феномен демократии, но породил сопряженный с ним *феномен рационализма*, появление которого было напрямую связано с запросами политической жизни. Так как важнейшим оружием демоса в борьбе с аристократией явилось требование записи и кодификации правовых обычаев и норм, то реализация этого требования превратила «божественное» установление в человеческое – «закон» (*nomos*). Закон приобрел характер рациональной правовой идеи, подлежащей обсуждению, а уверенность в том, что «истина рождается в споре», стала у греков необходимым условием постановки и решения политических, юридических, философских и нравственных проблем. Истина, в представлении эллинов, не предмет безотчетной веры, а знание, знание, основанное на разумном понимании. Основа возникновения греческой философии – секуляризация политической мысли [3, с. 30], а появление «социоморфной модели космоса» у философов милетской школы было результатом проекции на природу принципов, сформировавшихся в русле общественно-политических (гражданско-правовых) отношений. Греческая демократия определила сущность греческой пайдеи, главную особенность этой культуры: идею о главенстве человеческого разума, принцип разумного миропонимания и представления о творческом назначении человека [6, с. 25]. Рационализм становится *универсальным языком* понимания и убеждения, он предполагает критицизм, свободу мнения и личную ответственность и, таким образом, становится инструментом и опорой терпимости [7, с. 275].

Самым ярким свидетельством наличия терпимости в греческом обществе является движение софистов: возможность его возникновения, широкая распространенность, длительность и результативность. Софисты замечательным образом сумели собрать все типичное для своего времени, придав ему форму и голос, они сумели сделать рационализм универсальным языком политики, они приобщили к нему огромное количество молодежи, лишив его (рационализм) привилегии быть языком аристократии. Считая, что добродетель основывается только на знании, софисты само исследование истины связали с ее распространением. Мигрируя по городам, взламывая узкие полисные границы, они стали носителями *панэллинского начала*, греческими просветителями, провозглашающими свободу духа в противовес традиции и демонстрирующими тем самым неограниченную веру в разум. Вся культура была подвергнута ревизии софистическим разумом: этика, политика, риторика, искусство, язык, религия, воспитание... Такова особая атмосфера толерантности: напряженная, сопровождающаяся острым критицизмом, ревизией всех законов и устоев общества, постоянным диалогизмом, который становится с тех пор надолго необходимой формой философствования, это время широкого приобщения к политической деятельности масс, а также период скептицизма, рационализма, субъективизма, прагматизма, релятивизма и реализма. Герой этого времени – свободно-инициативная личность, активно и жадно ищущая знания, значимости и успеха, опьяненная жизнью и ее широкими возможностями.

Нельзя обойти вниманием вопрос о своеобразии древнегреческой религии. Религиозная нетерпимость практически не была характерна для античности, ее скорее можно обнаружить в сочинениях Платона. Случаи осуждения Протагора, Сократа и Анаксагора имели политическую мотивацию, хотя формально предъявлялось обвинение в непочитании богов. Эллинов скорее можно было упрекнуть в чрезмерной терпимости к верованиям чужеземных народов. Античное общество было уникально тем, что рациональное начало стало в нем преобладать

над сакральным... «Греческая культура, приняв светский характер, поставила вместо авторитета традиции (обычного права) авторитет закона, вместо религиозного авторитета – авторитет человеческого разума, она сделала излишней власть жречества и бюрократии, под определяющим влиянием которых сложилась культура стран Древнего Востока (Египет, Вавилон и др.)» [6, с. 25].

В отличие от христианства, иудаизма и ислама, в древнегреческой религии не было ни канонических книг, идущих от основателя религии, ни могущественного духовенства. Само понятие «канона» было в этой области неприемлемо для свободлюбивого духа эллина. «Отцы церкви называли эллинизм „отцом всех ересей“, так как слово „ересь“ означает „выбор“, а право выбора было для эллина неотъемлемым признаком умственной свободы.» [5, с. 5]. Как отмечали сами древние, существует не одна религия, а три, обязательность которых не одинакова: 1) поэтическая (она же мифологическая) – путь аллегории для развития религиозного воображения; 2) философская, которая, в свою очередь, тоже не едина, а делится на школы: Академия, Лицей, Стоя и Сад; 3) религия гражданская – обязательная для гражданина как такового. Обязанностью гражданина было участие в общих государственных культах, что не представляло собой никакого насилия и не связывало совесть каким-либо догматом. В единой религии эти три части обозначаются как повествовательная, догматическая и обрядовая [5, с. 9]. Несмотря на присущий античности рационализм, религия осознавалась греком областью не интеллекта, а чувства, а образ и обряд были самыми могучими проводниками его. «Платон, Аристотель, Зенон и Эпикур посредством своего логоса символически изрекали неизреченное, но сознание пределов своего логоса, сознание основной неизреченности изрекаемого порождало терпимость. И эту терпимостью они вдвойне оправданы.» [5, с. 117]. Вопрос о политеизме и монотеизме даже не ставится этими мыслителями, так как религиозная мысль уже в VI–V вв. осознала, что над людьми и богами властвует закон (*nomos*) и, следовательно, многобожие не ведет к анархии, ибо мир под-

чиняется мировому закону, как подчиняется гражданскому закону полис.

Следует сказать несколько слов о такой форме религиозности, как таинства. Появление таинств (элевсинских, посвященных Деметре; орфических, посвященных Дионису) было связано с разделением богов на наземных – олимпийцев и подземных – «хтонических». И Деметра, и Дионис – от земли – они учили о том, как обеспечить себе лучшую жизнь после смерти. В те времена и сами боги не осознавались еще как стражи нравственности, и условия этой лучшей жизни были скорее сакральными, чем нравственными, т. е. скорее сводились к исполнению обрядов посвящения, чем к справедливой жизни. Морализация таинств осуществлялась параллельно с морализацией религии вообще [5, с. 14]. Тем не менее наличие таинств давало выход ищущим успокоения относительно загробной жизни и удовлетворяло развитое религиозное чувство тех, кого оставляли равнодушным другие формы древнегреческой религии. В дальнейшем движения посвященных становятся более сложными, зрелыми, они также начинают состоять из трех частей (повествовательной, обрядовой и философской). Философы подчинились обаянию орфизма: Пифагор сделал орфизм центральным учением своего ордена, через пифагореизм его воспринял Платон, а от последнего он перешел в христианство [5, с. 113]. Такое многообразие форм религиозной практики и религиозных учений создавало свободу выбора для индивида, было основой открытости древнегреческой религии, ее склонности к синкретизму и исключало нетерпимость.

Итак, исторически первый тип толерантности, возникший в свободной Греции, можно охарактеризовать как *полисный*. Он связан с переходом традиционного общества к гражданскому, с развитием демократической формы правления при наличии в основном однородного в имущественном отношении населения, развитой для того времени экономикой, торговлей, с рационализмом, социальной мобильностью, высокой культурой, склонной к универсализму, многообразием форм религиозного опыта и политическим плюрализмом.

Толерантность не осознается в этом обществе как особая и обособленная ценность, она возникает в нем спонтанно и органично в силу указанных его свойств. Это терпимость общества очень беспокойного и нестабильного, оно бурлит от напряженной политической жизни, наполнено критицизмом, социальным и культурным динамизмом. Вследствие нерасчлененности в представлении древних греков понятия *полис-государство-общество* [3, с. 31], субъектом толерантности является сам полис, т. е. одновременно и государство, и общество, а также свободный гражданин этого полиса. Мироощущение последнего характеризуется активизмом, стремлением к знаниям, значимости и успеху, которые считаются достижимыми в результате собственных усилий.

Еще раз подчеркнем, что специфические общественно-политические условия с четко обозначенным фактором двойной свободы граждан породили уникальную в истории человечества древнегреческую цивилизацию. Ее существование характеризовал исключительный динамизм в сравнении с сопредельными цивилизациями как на востоке, так и на западе, явно ускоренные по меркам той эпохи темпы ее исторического развития. Пять или шесть столетий, составляющих период ее наиболее активной жизнедеятельности (имеется в виду хронологический отрезок, начинающийся где-то около середины VIII в. до н. э. и заканчивающийся около середины II в. до н. э.), остались в памяти человечества как какое-то непрерывное извержение творческой энергии. Греки сделали так много, как никакой другой народ за всю свою историю: за три столетия (VII–VI вв. до н. э.) – скачок из варварства в цивилизацию, от первобытной сельской общины к государству-полису, от господства родовой знати к демократии, от натурального хозяйства к высокоразвитой товарно-денежной экономике [1, с. 10]. Это ли не признак терпимости к высокой скорости социальных изменений?!

Греческая цивилизация была в полном смысле этого слова *универсальной*. Впервые в истории человечества она создала условия для свободного и всестороннего раскрытия

всех физических и духовных возможностей, заложенных природой в каждой отдельно взятой человеческой личности. Гражданин греческого полиса мог выступать в нескольких ролях одновременно, которые он свободно, самостоятельно себе выбирал, чередуя занятия торговлей, сельским хозяйством, политикой или военным делом с атлетическими упражнениями, пением и игрой на музыкальных инструментах, участием в философских диспутах и т. п. Поэтому все эти виды *социальной и духовной* активности развивались в Греции более или менее равномерно, обогащая общий фон греческой культуры [1, с. 9].

Греки являются первопроходцами, первооткрывателями в математике, медицине, астрономии, логике, философии, истории, географии и вместе с тем учителями и наставниками в этих областях для последующих поколений исследователей. В этом также проявляется универсализм древнегреческой культуры – во вневременности, всевременности ее достижений. Слишком высокая планка человеческих свершений была задана эллинами и слишком широкое поле охвата, что постоянно требовало от последователей умения дотянуться до своих предшественников, освоить их уровень достижений.

Среди цивилизаций Древнего мира греческая цивилизация была первой и единственной, которая во всей своей жизнедеятельности ориентировалась *преимущественно на человека*, на самоценную и самодостаточную человеческую личность, ставя ее фактически в центр мироздания. Не только государство не вмешивалось в частную жизнь граждан, но не было здесь и «духовной цензуры», т. е. всепроникающего контроля жрецов за настроениями и поведением каждого отдельно взятого человека [1, с. 10].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что пример греческой цивилизации показывает возможность обретения толерантности как реальности вне осознания этой проблемы в силу универсалистски ориентированной культуры, носителями которой становится свободно определяющаяся личность. Обозначив первым историческим типом толерантности полисный тип, мы признаем, что обретение подлинной толерантности – это не простая задача. Она предполагает длительное, терпеливое воспитание граждан в условиях взаимопользования свободой и взаимного уважения, что возможно в динамичном, критически настроенном, открытом либерально-демократическом обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 1999. 401 с.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 288 с.
4. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
5. Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Общий очерк. Пг.: «Огни». 1918. 163 с.
6. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. М.: Мысль, 1972. 312 с.
7. Понпер К. Открытое общество и его враги / пер. с англ.: в 2 т. М.: Международный фонд «Культурная инициатива» – Soros foundation: Открытое общество «Феникс», 1992. Т. 2. 525 с.
8. Псевдо-Ксенофон (Старый олигарх) Афинская полития // цит. по: Античная демократия в свидетельствах современников: [Аристотель, Псевдо-Ксенофонт и др.] сборник / перевод, изд. подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М.: Научно-издат. Центр «Ладомир», 1996. 382 с.
9. Строецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород. Изд-во НГПИ, 1991. 244 с.
10. Уолцер М. О терпимости / пер. с англ. М.: Идея-Пресс – Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.
11. Фукидид. История / изд. подгот. Г. А. Стратановский и др. М.: Научно-издат. Центр «Ладомир», 1993. 542 с.
12. Штаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города // Византийский вестник. 1973. Вып. 34.